

УДК 811.111'37

Стрижова Елена Сергеевна
(Санкт-Петербург, Россия)

ГЕНДЕРНЫЕ ИДЕАЛЫ ВО ВЛАСТИ НАВЯЗЧИВОГО ПОВТОРЕНИЯ

Аннотация: В данной статье я рассматриваю понятие повторение и то, как оно может использоваться для анализа культуры гендерных идеалов. Опираясь на концепции повторения у Кьеркегора, Фрейда, Лакана и «подрывное повторение» Джудит Батлер, я собираюсь показать, что категория повторения имеет в себе подрывной потенциал. Феминистские движения отрицают навязчивое повторение — принцип, по которому работает гегемонный порядок, поскольку он есть доминирование маскулинной власти. Феминистский выход — протест и отрицание, поиск субъекта, который бы выражал требования. Феминистки пытаются найти истинную идентичность, «чистую» от диктата культуры самость. Но нет никакого субъекта до закона, вне дискурса власти. Мы не можем выйти из игры повторения. Скрытым основанием власти оказывается ее собственная меланхолия. Власть скрывает, что есть некая пустота, место утраты, которое прикрывается всеобщим гендерным фантазмом. Реатроактивно это место Реального в гетеросексуальном дискурсе oznaчивается как гомосексуальное желание, которое не-

возможное и неартикулируемое для Символического. Повторение показывает, что культурные нормы и вынуждены себя панически повторять, потому что они нестабильны и всегда в риске разложения и распада.

Анотация: У даній статті я розглядаю поняття повторення і те, як воно може використовуватися для аналізу культури гендерних ідеалів. Спираючись на концепції повторення у К'єркегора, Фрейда, Лакана та «підривне повторення» Джудіт Батлер, я збираюся показати, що категорія повторення має в собі підривний потенціал. Феміністські рухи заперечують нав'язливе повторення - принцип, за яким працює гегемонний порядок, оскільки він є домінуванням маскулінної влади. Феміністський вихід - протест і заперечення, пошук суб'єкта, який би виражав вимоги. Феміністки намагаються знайти справжню ідентичність, «чисту» від диктату культури самість. Але немає ніякого суб'єкта до закону, поза дискурсу влади. Ми не можемо вийти з гри повторення. Прихованою основою влади виявляється її власна меланхолія. Влада приховує, що є якась порожнеча,

місце втрати, яка прикривається загальним гендерним фантазмом. Реатроактивно це місце Реального в гетеросексуальному дискурсі, що означається як гомосексуальне бажання, яке неможливе і неартикулюємо для Символічного. Повторення показує, що культурні норми і примусили себе панічно повторювати, тому що вони нестабільні і завжди в ризику розкладання і розпаду.

Summary: This paper deals with the conception of repetition and how it is applied to the the culture of gender ideals. I draw upon Søren Kierkegaard's conception of repetition, Lacanian and Freud's psychoanalysis and Judith Butler's conception of 'subversion repetition' to show that repetition has subversive potential in itself. Feminist movements try to deny the compulsory repetition of the hegemonic order because this order is the domination of masculine power, where the only way to be a woman is to play the role of the desirable object. Feminist way out is to protest and deny these norms, try to find ourselves as pure subjects. The feministic action tries to find true identity, a subject, who articulates his demands. But there is no subject before the law, and the discourse of power. It is impossible to go out of the game of repetition

The unconscious hidden side of the power is its own melancholy. It is the emptiness, the topos of loss, which is covered with gender phantasm. In the heterosexual discourse it is retroactively signified as homosexual desire, which is impossible and not articulated for the Symbolic. Repetition reveals that cultural norms are forced to repeat itself in panic, because they are unstable and are in the risk of collapse.

Мы живем в культуре гендерной меланхолии, когда собственная расколотость и страстное желание быть целым подталкивает нас участвовать во всеобщем маскараде повторяющихся масок мужественности и женственности. Культурные идеалы маскулинности и феминности действуют по принципу бесконечного самоповтора. Идеология становится внутренним желанием субъекта, его фантазмом, и тем самым, казалось бы, отчуждает его сокровенное желание, делая рабом существующего дискурса. С другой стороны, феминистская теория, путаясь в своих требованиях равенства, либо различия, пытается найти женский субъект (идентичность, особый женский опыт) в качестве отправной точки для своей рефлексии и выражения требований, страданий (исключения, угнетения), тем самым оказывается лишь на противоположной стороне фантазма, но не вне его. Если субъект рождается уже расщепленный желанием Другого — закона Отца, то есть маскулинного со-

циального и политического дискурса, то женский субъект не может эмансипировать нас. Бессознательное начинает работать против субъекта, ограничивая в правах и возможностях как раз тех и того, кого стремятся освободить. Субъект впадает в «бесконечное etc» в своем запросе и перечислении требований, потому что он сам есть нехватка, следствие и эффект — он не центр, поскольку сам принадлежит структуре повторения. Вставая в позу/ицию подозрения, играя в срывание масок, противопоставляя себе культуру как внешнее, феминизм оказывается в ловушке повторения. Если нет ничего, кроме повторения, если сам субъект — это субъект повторения, то необходимо перейти к самому условию желания — той точке основополагающего раскола в субъекте, из которой возникает речь и требование.

Проблема повторения была впервые поставлена С. Кьеркегором в его тексте «Повторение». В этой работе он выходит на близкую нам тематику, описывая любовную страсть страдающего поэта, который способен лишь на любовь-воспоминание, когда девушка не имеет значения как существующая, но как то, что уже утрачено, прежде чем обречено. Работа воспоминания, обращенная к прошлому, это работа памяти, постоянного воспоминания и страдания по поводу образа любимого, которое так и до конца не артикулирует тот факт, что любовь к возлюбленной, которая парадоксально удерживается, уже утеряна. Это непризнанная утрата меланхолии, которая мешает осуществить повторение вспоминающей и страдающей натуре поэта. Девушка уже забыта как существующая, эта утрата дает возможность говорить о любви к девушке. Но не к ней самой, а к образу, ее замещающему. Константинус, псевдонимичный автор, призывает поэта повторить утрату - разорвать с девушкой-призраком, чтобы вернуться к ней вновь, и тем самым испытать счастье повторения. Повторение наступает, но неожиданным образом. Девушка выходит замуж, осуществляет «этическое», а поэт снова обретает себя, как расколотого субъекта, утратившего возлюбленную окончательно. Текст обрастает теологическими категориями, отчаянье влюбленного обретает трансцендентный характер

и выводит на проблему более фундаментальную, этот текст и породившую — расщепленность первородным грехом, вопли Иова, требование невозможного повторения.

Вера Кьеркегора стремится посредством своего бесконечного плача в пространство «абсурдного», к самому условию человеческого несчастья - грехопадению. Повторение для Кьеркегора означает «случайное» получение всего обратно в качестве Божьего Дара, снятие парадокса всех парадоксов: фундаментального разрыва между Богом и человеком и Дарение в качестве жеста невидимой руки Божества, возвращающего все на круги своя. Это возвращение всего назад, вторжение в символический порядок Бога, возвращающего Иову «все в двойне».

Фигура Константина - субъект, который желает повторить нечто, имевшее место в прошлом, в качестве настоящего. Он совершает определенные действия, полностью дублируя сценарий свой прошлой поездки в Берлин для того, чтобы произошло повторение ощущений. Прошлое удовлетворение не переживается вновь, мы не можем перетянуть опыт прошлого в настоящее сознательно и извлечь из него удовольствие. «Повторение не возможно», подводит итог Константин. И далее радикализует вопрос: «есть невозможность повторения» [2, с. 68]. Именно это невозможное и будет отправной точкой, по причине которой и возникает намерение что-то повторять.

В «По ту сторону удовольствия» [4, 26]. Фрейд показывает, что усвоение ребенком собственного «Я» обретается через первый травматичный опыт потери удовольствия от присутствия матери. В форме «удовольствия» от игры с катушкой, означающей травматичный опыт, место, где произошло отчуждение от материнского желания, ребенок через многократное повторение «игры в ушли» знакомится с означающим, пытаясь означить себя в катушке. Часть переживаний останется неозначенной, что и станет в дальнейшем частью его «судьбы» - навязчивым повторением. Таким образом, навязчивое повторение, что первичнее и элементарнее принципа удовольствия есть остаток первовытесненного,

что постоянно будет заявлять о себе в каждом последующем опыте субъекта.

Жак Лакан выделяет три уровня: реальный, воображаемый, символический. Субъект проходит «двойное» отчуждение: сначала на уровне воображаемого, затем на уровне символическом. В самом основании субъекта лежит его «встреча с означающим». С одной стороны, субъект не сводим к означающему, не представлен в нем. С другой - место субъекта появляется только в регистре символического, где он представлен лишь в качестве эффекта языка. Но что есть субъект до того, как он есть? Боль, отсутствие, крик и смерть, вызывающая субъект в качестве тишины к жизни. Это первая зарубка, которая определяет его существование и дальнейшую попытку, так или иначе, первую зарубку и первый счет, произошедший до считающего, разрешает проблему повторения через категорию Реального. Реальное находится на границе с символическим, предшествует символическому в качестве отправной точки – с другой стороны, структурируется им, попадая в его сети. Реальное – это продукт, отброс, остаток символизации, пробел, скрывающий в себе радикальную невозможность репрезентации, оно само есть эта неудача отношения символического к Реальному.

Отсюда и двойственность повторения: как *Wiederkehr* и *Wiederholen*. Первое - навязчивое повторение *automation* – возвращение навязывающих себя знаков. Бессознательное в качестве символического структурировано как сеть означающих, которые всегда возвращаются помимо воли субъекта эффект возвращения заложен в самой структуре сети. Повторение ловит субъекта в сети принципа удовольствия «субъективирующим гомеостазом» и производит экран желания, обращая жизнь субъекта в механическое повторение (аналогия фрейдовскому автоматизму). Второе — это повторение как *tuche* – встреча с реальным - «встреча, которая может не состояться, встреча по сути своей несостоявшаяся», которое задает траекторию желания субъекта в диалектике избытка-нехватки. Два повторения действуют одновременно: где открыто и демонстративно пульсирует повторяемость символической

структуры, ее окостеневание под действием automation, на заднем плане всегда существует пространство «несбывшейся встречи» [3]. Причиняемая следствиями двойственности повторения - лакуна в дискурсе, она способна привести вновь к повторению, которое одновременно будет его переозначиванием.

Феминистка Джудит Батлер развивает лакановскую логику в переинтерпретацию гетеросексуального гегемонного порядка. Рождение субъекта покупается ценой зависимости от власти, сродни любовной. Субъект есть эффект меланхолии. Обращаясь к фрейдовскому разделению на траур и меланхолию мы, вслед за Фредом и Батлер, понимаем меланхолию как утрату привязанности, при которой объект не был уничтожен, а интериоризировался внутрь, произошла идентификация, нарциссическое отождествление - «тень объекта пала на Я» [5], когда потеря объекта превратилась в потерю Я, и конфликт между Я и любимым лицом превратился в столкновение между критикой Я и самим измененным, благодаря отождествлению, Я.

Меланхолия разоблачает автономию и внутреннее единство категории субъект. Если фундирующий акт расщепления Другим - основа субъекта, то первая привязанность и первый объект создает нас в качестве меланхолических субъектов. Объект первичен, и его «тень» падает на все наше дальнейшее «субъективное существование». Меланхолическая личность утрачивает не объект, а саму возможность любить, вся его экзистенция - это незавершенное оплакивание по тому, кого он «никогда не любил и никогда не терял». Так через исключение происходит «перекрытие любви» - условие возможности социального существования, производится идентичность, пораженная меланхолией, социальность, где утрата не может быть оплакана, потому что не может быть признана как утрата [1]. Каждая личность, таким образом, потенциально желающая обрести собственную целостность и тождество, порождена в качестве эффекта первого исключения и запрета. Личность входит через переживание первого запрета в систему запретов, в пределах которых ей предстоит найти себя. Целостность и естественность собственного

«Я» есть лишь обманчивость, порожденная неосознанными меланхолическими основаниями. В «Я и Оно» Фрейд показывает, что механизм меланхолии, при котором привязанность к объекту сменяется идентификацией, это процесс образования Я и его характера. Когда первичный объект привязанности покидается, возникает меланхолия, то есть изменение Я, и таким образом, это способ через интроекцию пережить отказ, «идентификация и вообще является условием, при котором оно покидает свои объекты» [6]. Прежде чем Я принимает гендерную идентификацию, то есть структурируется через Эдипов комплекс, Я получает себя в ходе утраты, оно утрачивает любимые объекты, интериоризирует их внутрь себя, и формируется как расщепленное на Я и Я - Идеал. Это и есть по Батлер меланхолийная идентификация: «Происходит инкорпорирование привязанности как идентификации, где идентификация становится магической, психической формой сохранения объекта» [1, 112].

Поэтому меланхолийная идентификация занимает центральное место в формировании гендера. Я не едино, оно всегда склонно к распаду на множество идентификаций. Выборы идентификации завершаются возникновением идеала Я. Я должно покинуть первичную загрузку объектом, чтобы вступить в маскулинность и феминность, «результат тяжелого и сомнительного достижения, формирующегося через запреты, которые требуют потери сексуальных привязанностей и требуют, чтобы потери не были признаны и не переживались как утрата» [1, 112]. Гендер достигается путем отрицания, отказа от гомосексуальной возможности себя (быть девочкой означает не желать девочку), таким образом, девочка становится девочкой, обретает свою женскую субъективность (being subject) через исключение матери как объекта желания, интериоризации ее как части себя, и последующей идентификации и повторение ее образа в качестве своего собственного. Это меланхолийная идентификация, то есть «недопускаемая до переживания утрата гомосексуальной привязанности» [1, 122].

Внутренняя разорванность «нормальных»

субъектов, вынуждает повторять одни и те же правила желания, представлять собой «нехватку друг друга», «двух половинок» в качестве противоположностей мужского и женского в символическом строе. Более того, в символическом мужское и женское окостеневают в своей противоположности, они строго разделены на функции и занимаемые места. Лишь в порядке Воображаемого мужское и женское совместно создают некое единство, единое в различии. В символическом же каждый не восполняет нехватку другого, а занимает место нехватки его собственной, воплощая собой то, чего у другого нет. Мужчина и женщина передают друг другу общую нехватку, на чем и строится их символическая коммуникация. Женщина не дополняет мужчину, а становится воплощением его нехватки, объектом желания, поддерживая таким образом гетеросексуальный порядок желания и повторяя структурное единство для достижения единства собственного. Воображаемый эффект и театральность гетеросексуальной комедии происходит из скрытой властью расколом, замаскирована и представлена в символическом только как часть, и вынуждена потому пульсировать в повторении, чтобы постоянно означать и прятать свои зыбкие основания. Маскарад скрывает в себе нехватку в объекте и потому меланхоличен. Это трагическая сторона всеобщего перформанса. Будучи тоскующим и бессознательно оплакивающим маскарад не видит собственных оснований, бесконечное повторение, исходящее из бессознательного разочарования в любви. Гетеросексуальный порядок действует по принципу вынужденного повторения, которое оказывается эффектом собственной оригинальности. Отказ порождает перформацию, меланхолийное *acting out* непризнанной и не допущенной до переживания утраты. С другой стороны, чтобы гетеросексуальный маскарад продолжался и срабатывало повторение как *acting out*, и существовала область повторения должно быть и то, что следует отрицать, то есть само гомосексуальное желание должно ретроактивно быть «признанно» как зона Реального, от которой отказываются, избегая с ней встречи, и таким образом впадают

в нехватку гетеросексуального фантазма. Мы имеем дело с перформативностью гендера: гендер не выражается жестами, речью, но сам акт его перформативности производит иллюзию того, что что-то остается невысказанным, есть некое внутреннее (реальное) ядро. Перформация гендера производит иллюзию существования некой сущности, внутренней, ради которой все это и разыгрывается. Гендер производится как ритуализованное повторение набора правил и конвенций, смысл гендера вытекают из его перформации, не зависимо от того, переосмысливается или нет перформация как принудительный социальный ритуал. Но он же и имеет эффект реальности, натуральности, по отношению к которому, все другие формы изгоняются и разоблачаются как неудачные и провальные копии, имея в виду их «ненатуральность». В то время как ненатуральность по Батлер лишь вопрос спекуляции дискурса. Категория пола нормативна, а потому не материальна, а напротив — идеальна. И потому всячески стремиться воплотить в практику, где сможет сбыться, материализоваться, олицетвориться, овеществиться, через именование-означивание и классификацию. Пол становится идеальным конструктом, который вынужденно материализуется в течение времени. Норма материализует пол через повторение идеи его существования, через повторение им своего собственного нормативного идеала. Повторение становится знаком того, что материализация не завершена, что она вынуждена себя повторять. Это знак того, что существует определенный зазор между телом и нормой, которую нужно постоянно повторять мимически, а значит вновь и вновь производить, догоняя телом. Отсюда: перформативность должна быть понята не как единичный акт, а как непрерывная практика повторения, с помощью которой дискурс производит собственные эффекты [7].

Исключения из правил нормальной сексуальности означиваются как провал повторения, то есть неудачная копия гетеросексуального идеала-оригинала любви, который сам есть основа всех копий, но он сам есть копия ничего. Любой оригинал требует повторения, требует желания повторения, для того, что

бы скрыть пустоту собственных оснований, и подтвердить себя как оригинал. Места гетеросексуальной тревоги — «иные» сексуальности ретроактивно означаются как Реальное, которое культура выводит из-под сознания и противопоставляет себе как копию, отклонение и провал повторения. Без гомосексуальности как копии не будет гетеросексуальности как оригинала.

Понимание гендерной структуры как имитации, сущность которой состоит только в повторении, прикрывающем пустоту, позволяет переосмыслить гомосексуальность: как имитация гомосексуальность переворачивает порядок имитации, у которого нет оригинала. Гетеросексуальность, таким образом, скрывает и ретроактивно создает гомосексуальность как не удачную копию себя. Но если структура имитативна, и есть просто самоповтор, то она, исходя из логики повторения, зависит от «встречи» со своим не есть, то есть с гомосексуальностью. Если Реальное есть место, откуда производится означающее, то гомосексуальность способна разоблачить и перевернуть порядок имитации. Перверсия, понятая как пародия может стать «случаем субверсивной и пролиферирующей пародии на гендерные нормы, в которых требования реальности и оригинальности разоблачаются как эффект и определенный вид натурализованного гендерного мима [9, 308].

Утрата и исключение становятся местом комического действия, повторения повторения, то есть отрицания отрицания, и таким образом, с одной стороны, являющиеся смертью для гендерного существующего порядка, когда с нестабильностью категорий приходит расшатывание гендерных норм, и, таким образом, распад и множественность: «потеря гендерных норм привела бы к эффекту пролиферирующих гендерных конфигураций, дестабилизирующих субстантивную индивидуальность и лишаящих натурализованные нарративы обязательной гетеросексуальности их центральных протогонистов: мужчин и женщин» [8]. С другой стороны, такое повторение есть гиперболическое повторение, то есть доводящее логику развития понятия до конца, до преизбыточности. Этот жест есть

указующий и разоблачающий гегемона, суть которого и состоит в комическом. Сама структура гендера «идеальна», самопародийна, самокритична и подвержена расщеплению и распаду. В этом и заключается подрывной потенциал, когда происходит повторение этой же самой структуры в качестве «диссонантного» и «денатурализованного исполнения», каков например перформативный статус драга или лесбийского бутча — комическое повторение. Гендер используется в таких случаях как миметический, фантазматический и неестественный. Если сексуальные меньшинства исключаются по принципу не преуспевших в повторении, в качестве «неудачных копий», «нереальных», то они лишь повторяют один и тот же закон повторения, и воплощают в себе тот факт, что любой гендер обречен на провал и этот провал лежит в основе самого гендера. Имитативная пародия на гетеросексуальность, что действуют в гей-культурах, воспроизводят этот момент само-пародийности гендерной поверхности, осуществляя повторение повторения, становясь копией копии. И таким образом местом тревоги от столкновения с реальностью собственных оснований.

Литература:

1. Батлер Д. Психика власти. - Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002 – 168 с.
2. Кьеркегор С. Повторение / Кьеркегор. Несчастнейший. Несчастнейший. - М.: Библиейско-Богословский институт св. Ап. Андрея, 2007– 368 с.
3. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. Семинары XI. - М.: Гнозис, Логос. - 304 с.
4. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / Фрейд З. «Я» и «Оно». - СПб.: Азбука-Классика, 2007 — 288 с.
5. Фрейд З. Траур и меланхолия [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/pech_mel.ph
6. Фрейд З. «Я» и «Оно» - СПб.: Азбука-Классика, 2007 — 288 с.
7. Butler J. Bodies that matter, on the discursive limits of "sex". - New York & London: Routledge, 1993
8. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1990
9. Butler J. Imitation and Gender insubordination, in: The Second Wave. New York & London: Routledge, 1997